

Мариология Ефрема Сирина и ее роль в формировании мариологической доктрины Церкви Востока

Заболотный Евгений Анатольевич

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет, Москва, Россия

E-mail: e.zabolotnyj08@histmsu.ru

Произведения Ефрема Сирина (ок. 306 – 373 гг.) часто привлекаются в качестве источника исследователями, изучающими мариологию, однако чаще всего это происходит без критического анализа и без тщательной проверки используемых текстов. Необходим критический отбор изучаемых работ и серьезный анализ терминов, используемых Ефремом в тех произведениях, в которых затронуты вопросы мариологии. Лишь в этом случае мы можем адекватно проанализировать его богословские взгляды (Beck, 1956. S. 22.). Дело в том, что в период христологических споров особый интерес представлял литургический язык, употреблявшийся в отношении Девы Марии, которую именовали Богородицей (Теотокос). Есть основания полагать, что это именование появилось в Александрии (хотя сведения о его происхождении пытались искать в других местах), т.к. оно вполне согласуется с александрийской традицией. Самый ранний и неоспоримый пример употребления термина Теотокос встречается в окружном послании Александра Александрийского 324 г., направленном против арианства (Пеликан, 2007. Т. 1. С. 229). Позднее, в IV в., император Юлиан Отступник в своей полемике против «галилеян» спрашивал у христиан: «Почему вы постоянно называете Марию Богородицей?» (Пеликан, 2007. С. 230.).

В своих главных мотивах развитие христианского образа Марии и позднейшее возникновение учения о Ней должны рассматриваться в контексте развития христологии. Право называть Марию Богородицей имело весьма важные последствия для христологии. Ариане и другие еретики могли употреблять это именование, не делая при этом выводов, совпадающих с ортодоксией Афанасия Александрийского (ок. 297 – 373). Но как только была принята Никейская формула, христианская Церковь (при преемниках Афанасия, а возможно, и при нем самом) обрела в этом титуле удачную формулу для своей веры в то, что в воплощении Божество и человечество соединились столь тесно, что – в силу *communicatio idiomatum* («взаимообщения свойств»), как это будут называть позднее, - ни рождение, на распятие не могут быть относимы только к одной природе без другой. Это был способ говорить не только о Марии, но о Христе. Поскольку было допустимо говорить о Христе как о «страждущем Боге», что имело место в благочестии и проповеди Церкви, александрийская христология могла также воспользоваться литургическим термином «Богородица», чтобы усилить свой акцент на единстве личности Христа.

Оппоненты этой христологии отчетливо видели последствия использования этого термина. Несторий (ум. ок. 451 г.) возражал, говоря, что отцы его не употребляли и что было бы клеветой его им приписывать (Пеликан, 2007. С. 230) .

Надо сказать, что в контексте христологических споров, которые начались именно с мариологии, важным эпизодом была выступление Евсевия Схоластика, впоследствии

епископа Дорилейского, который однажды прервал Нестория и, назвав его слова ересью, заявил следующее: «Нет, Сам вечный Логос подверг Себя второму рождению» (Поснов, 2007. С. 382.) Удивительным образом, проблема «второго рождения», связанная с вопросом о Субъекте рождения от Девы Марии, уже была подробно рассмотрена христианской богословской мыслью. Христианским автором, который весьма подробно рассмотрел ее в своих творениях, был именно преподобный Ефрем Сириянин, представитель сирийской традиции, частью которой уже после смерти Ефрема станут теологические системы «греческих учителей» (Диодора Тарсийского (ум. 390-гг.), Феодора Мопсуестийского (ум. 428) и Нестория).

В докладе рассматривается традиционная сирийская мариология (до рецепции Церковью Востока систем «греческих учителей»), элементы которой нашли свое отражение в произведениях Ефрема Сириянина.

Это весьма актуальная задача для историков Церкви, поскольку ее решение будет способствовать лучшему пониманию тех дискуссий, которые продолжались в течение веков – богословских споров относительно христологии. Наш доклад делится на две части, в которых затрагиваются основные вопросы традиционной сирийской мариологии: 1) вопрос о Субъекте рождения от Девы, связанный с проблемой *communicatio idiomatum* и вопросом о «двух рождениях» Сына Божьего; 2) вопрос о том, в каком контексте Ефрем использовал один из основных своих образов, описывающих роль Марии в истории спасения, – образ Марии как Новой Евы.

Если говорить о подлинных творениях Ефрема, дошедших до нас на языке оригинала – сирийском, то гимны «О вере» (*De Fide*) и «Против ересей» (*Contra Haereses*) не предоставляют нам обширного материала для изучения мариологии рассматриваемого автора. В качестве источников нами были использованы мадраши «О Церкви» (*De Ecclesia*) (9), мемра «О Господе нашем» (*Sermo de Domino nostro*) (11). Наиболее важным из источников являются мадраши «О Рождестве» (*De Nativitate*) (10).

В зарубежной историографии мариология Ефрема Сириянина исследована достаточно хорошо. Следует отметить работы Э. Бека (6), Игнасио Ортиса де Урбины (3), М. Гордилло (8), Я. Пеликана (9), С. Бедджани (7). Необходимо также упомянуть статью С. Брока «Ефрем Сириянин», написанную в соавторстве с отечественным исследователем Н.Н. Селезневым (1), в работах которого мариологическое учение ряда представителей Церкви Востока получает определенное освещение (однако эти работы посвящены христологии, и мариология не является их основной темой). Если говорить о классической работе Г. Флоровского «Восточные отцы IV в.» (4), то в ней в отдельном очерке, посвященном Ефрему Сириянину, была дана в том числе краткая характеристика его мариологии. Нам не удалось обнаружить современных исследований отечественных ученых, посвященных мариологии Ефрема Сириянина.

Анализ источников привел нас к следующим выводам. Несмотря на то, что в подлинных творениях Ефрема Сириянина не встречается сирийский эквивалент греческого слова Теотокос – *yaldat alaha*, те образы, которые он использовал, в полной мере содержат идеи, которые в данном термине заключены. Для того, чтобы прийти к подобному выводу, нам и понадобилось проанализировать отношение Ефрема к таким основополагающим (и взаимосвязанным) идеям, как *communicatio idiomatum* и вопрос о «двух рождениях» Сына. Ефрем Сириянин не просто относил предикаты Божественной и человеческой природы к одному Субъекту – Богочеловеку, в котором эти две природы

соединены и смешаны, но к Богу Сыну, родившемуся первым рождением от Отца и вторым от Девы Марии. Именно Сын Божий является, по мнению Ефрема, Субъектом рождения от Марии. Таким образом, Дева Мария является для Ефрема Родившей Сына Божьего и Бога.

Учение же Ефрема Сирина о Марии как о Новой Еве необходимо рассматривать, во-первых, в контексте свойственного церковной традиции учения о «восстановлении» (*recapitulatio*) всего человечества Христом (в контексте тех антиномий, которые развивались как Ефремом, так и другими христианскими богословами, и в рамках которых домостроительство спасения рассматривалось как строгое соответствие грехопадению человека: Христос – Новый Адам, Мария – Новая Ева; как пример построения соответствия между способом рождения первого Адама и способом рождения Адама Второго). Во-вторых оно предстает как часть сирийской традиции, постоянно использовавшей различные образы, которые богословы, писавшие на сирийском языке, применяли по отношению к Марии (Мария и Ева, Мария и Святой Дух).

Источники и литература

1. Ефрем Сирийский / Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2008. С. 79 – 105.
2. Пеликан Я. Христианская традиция: История развития вероучения. М., 2007. Т. 1. Возникновение католической традиции [100 – 600].
3. Ортис де Урбина И. Сирийская патрология [перевод с латинского М.В. Грацианского]. М., 2011.
4. Поснов М.Э. История Христианской Церкви. Киев, 2007.
5. Флоровский Г. Восточные отцы IV в. М., 2005.
6. Beck E. Die Mariologie der echten Schriften Ephräms // *Oriens Christianus* 40 (1956). S. 22–40.
7. Beggiani S.J. *Early Syriac Theology. With Special Reference to the Maronite Tradition.* New York, 1983.
8. Gordillo M. *Mariologia orientalis.* Romae, 1954.
9. *Hymnen de Ecclesia* // CSCO. Vol. 198–199. *Scriptores syri.* Т. 84–85. Louvain, 1960.
10. *Hymnen de Nativitate* (ed. E. Beck) // CSCO. Vol. 186. *Scriptores syri.* Т. 82. P. 1 – 143. Louvain, 1959.
11. *Sermo de Domino nostro* // CSCO. Vol. 270–271. *Scriptores syri.* Т. 116–117. Louvain, 1966.